

А.Н. Шушпанов

ПОСТКАПИТАЛИЗМ С НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ: ЭКОНОМИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

В статье производится попытка проанализировать возможные экономико-социальные последствия очередного технологического замещения в производстве без излишне восторженного визионерства и сциентизма. Рассматривается потенциальный вклад искусственного интеллекта и робототехники в дестабилизацию и без того неустойчивой глобальной экономической системы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, экономика, футурология
Keywords: artificial intelligence, AI, economics, futures studies

1. Суть вопроса

Каждое сообщение об очередном достижении в области автоматизации, будь то промышленное внедрение или новое решение для потребительского сектора, встречается современной общественностью крайне радостно. Восторженная и оптимистическая риторика сегодняшних футурологов по поводу автоматизации и роботизации ничем не отличается от такой же восторженности их коллег начала XX века по поводу телеграфа и воздухоплавания [1]. Последствия внедрений в таких прогнозах обычно рассматриваются в очень коротком временном диапазоне. Но так ли положительно будущее, в котором автоматы освобождают человека из трудовой кабалы?

С позиций западно-ориентированной цивилизации автоматизация и технологическое развитие есть безусловное благо. Современная культура за последние пятьдесят лет сформировала образ робота, в котором тот представлен, как некий модный гаджет, новый разум, призванный из небытия исключительно силой науки. Автоматический пылесос, например – тоже робот, который освобождает своего владельца от рутинной работы, а реклама таких устройств несёт следующую риторику: “роботы с людьми, роботы классные, робот нужен каждому”. Робототехника – направление большой перспективности, чрезвычайно важное, но с его развитием мы впервые вплотную подходим к рубежу, когда общий вклад этого направления начинает опровергать его же маркетинговые тезисы.

С тех пор, как синтез экономики и политики вынудил феодализм пасть на колени перед набравшим силы в ходе технологической революции классом – буржуазией, существующая структура, пожалуй, впервые подвергается столь сильному испытанию. В экономических отношениях появляется новый игрок, в котором эклектически соединяются идеи рабочего и средства производства. Политическая структура пока что озадачивается парадоксом “операционно-квазилюдей” разве что в шутку – просто потому, что таких “людей” пока нет. Однако то, что уже делается с рынком – растёт функциональная эффективность производства и сектора услуг во всех диапазонах квалифицированного труда. Рост происходит исключительно на базе времени и денег. Автоматам не нужны отдых, больничный и заработная плата.

Также автоматизация и роботизация не увеличивают сами по себе количество товаров на рынке, как и не создают новых видов услуг. Роботы не решают новые задачи – для них их попросту нет. Роботы постепенно заменяют работников (мы намеренно избегаем слова “рабочий”, поскольку в современном мире искусственный интеллект способен выполнять, скажем, базовые функции консультирующего юриста – сегодня это уже не научная фантастика и даже не футурология [2]).

На старых задачах рабочие места сокращаются, сокращается и размер заработной платы людям – логично предположить, что если уж “прилив поднимает все лодки”, то и отлив будет опускать их все разом. Маркс мог бы упрекнуть роботов в невольном запуске очередной итерации замещения труда капиталом [3]. Современные экономисты в несколько смягчённой форме говорят о замещении факторов производства, но от разницы формулировок результат не меняется. Процесс идёт с момента начала технологической революции – постоянно и волнообразно [4]. На гребне любой волны – операторы капитала, внедрившие трудосберегающие технологии. Удар фронта волны – по “сбережённому ресурсу”, уволенным рабочим, которые “не вписались в рынок”, чей кризис разрешался через не очень большое количество путей – капитуляция/приспособление или луддизм/забастовки/революция.

Следует отметить, что первые этапы технологического замещения подавили протестные настроения исключительно из-за эгоистического сложения факторов – негативные последствия достались относительно локальной группе пострадавших, а вот рост производства и доступность продукции стали системным достоянием. С новой волной так, скорее всего, уже не получится. “Заместители” на этот раз настолько гибки и функциональны, что с определённой лёгкостью могут быть внедрены практически в любой сектор экономики. Соответственно, эффект от одновременного внедрения будет заметен всем и сразу.

2. Предпосылки среды

На протяжении XX века большинство технологически развитых стран развило механизмы социального обеспечения и защиты рабочего класса – где-то это делалось путём победы социалистических движений в политическом секторе, а где-то в виде уступок под страхом от самой возможности такой победы. Таким образом удавалось более-менее нивелировать как волнообразные спады производства (имеются в виду фрагменты экономических К-циклов [5]), так и последствия интеграции очередных новинок в области трудосбережения.

Поствоенный экономический рост привёл к тому, что “синие воротнички” начали эволюционировать до “белых” – по большому счёту, произошло перераспределение человеческого капитала в менее подверженные технологическому замещению области экономики. Сама идея становления “конторской крысой” перестала быть смертельно оскорбительной (а современные офисные служащие уже не обижаются на иронический маркер “офисный планктон” и сами употребляют его, причём без иронии). В итоге в 70-е автоматизация производства не вызвала заметных волн болезненного недовольства, фокус человеческого интереса уходил с производств. Офисы, аудитории, лектории – но не цеха. В это время лодки всё ещё поднимала приливная волна.

Современному технологическому замещению так спокойно пройти, скорее всего, не удастся. Вкратце существующие условия, в которых ему придётся происходить, можно описать следующими тезисами:

1. В современном мире повсеместно отсутствует социальное равновесие и почти полностью демонтирована система перераспределения благ. Деньги испытывают постоянную инфляцию на протяжении почти 30 лет. При этом доля доходов и имущества, приходящаяся на наиболее богатый дециль планеты, занимает тренд на приближение к уровню “последнего лета века” - уровню 1913-го года (см. рисунок 1 по ссылке [6]). Что, опять же, воскрешает хорошо утопленный в последующих субсидиях, соглашениях и репрессиях социально-классовый конфликт.
2. В конце XX века и начале XXI огромная доля отраслей была дерегулирована – большинство правительств прислушались к призывам монетаристов вроде Милтона Фридмана и сделали ставку на приближённые к свободным рынки. Одновременно с этим огромное количество рабочих сдало последние бастионы, ограждавшие их от “невидимой руки” – ради моментальной выгоды отказавшись от долгосрочных охранительных институций, таких как профсоюзы или государственные пенсионные фонды. В конечном итоге гибкость была достигнута в том числе и на рынках труда – например, увольнения начали осуществляться работодателями без каких-либо ограничений. Началась волна прекариатизации населения – работа на краткосрочных контрактах, работа без нормативов рабочего времени, “работа ради работы” (собеседования, анкетирования, бесполезные “курсы повышения квалификации” и т.п.) [7].
3. Технологическое замещение, как было отмечено выше, не останавливается в промышленном секторе – по большому счёту, в этом секторе автоматизация не является большой проблемой. Предприятия внедряют автоматические линии производства достаточно давно и плавно. Теперь под удар встаёт сектор услуг, включая высококвалифицированную его нишу. Пример с юристами уже был приведён выше – далее можно с лёгкостью называть и другие направления. Скажем, биржевые маклеры давно не участвуют в сделках без высокотехнологичного ассистента, который ловит малейшие колебания рынков так, как этого никогда не получится у человека [8].
4. Глобализация и вывод “бэк-офисов” (сервисные и научные подразделения компаний) в развивающиеся страны. Рабочих мест в целом и так становится меньше, уровень зарплат падает.

3. Демографический контраргумент

Смотрящие на роботизацию в исключительно позитивном ключе приводят сложившуюся демографическую ситуацию в качестве основного аргумента. Популярное заблуждение, которым пользуется аргументирующая сторона – “западные страны вымирают, а мигранты из стран времён колониализма набирают

влияние, население планеты растёт” (см. рисунок 2 по ссылке [6]). Действительно, рождаемость в развитых странах сократилась, прирост населения обусловлен миграцией, но за границами полемики остаётся то, что с уровнем безработицы эти данные практически не коррелируют. К тому же темпы прироста населения замедляются за счёт естественных причин – ограниченность ресурсов и т.д. (см. рисунок 3 по ссылке [6]).

Логичен вопрос - откуда взялись посткризисные протестные движения, захлестнувшие мир в 2010-2011 годы? Если “Запад вымирает” и работодателям просто необходимы таланты, то за выпускниками профильных учебных заведений должна стоять очередь представителей работодателей, но в реальности выпускники предоставлены сами себе. Их объективная реальность (в последнее время дошедшая и до России) – надо гасить кредит за образование при полном отсутствии дебитного потока. А без демографического сжатия этих несчастных было бы ещё больше. В дополнение государства играют с населением в “квази-безработицу” – например, в длительное образование по бесполезным псевдо-гуманитарным направлениям, или в “третий сектор” – множество НКО, не занимающихся деятельностью, хотя бы частично похожей на реальный сектор. Преследуется своеобразная криптополитика поддержания занятости.

В итоге единственным приобретателем выгоды от внедрения робототехники и ИИ становится любая крупная корпорация (или конгломерат крупных корпораций). Такая структура способна быстро и эффективно внедрять указанные средства в свой рабочий цикл и получать выгоду от масштабности. Людей же, решивших конкурировать с автоматами в обозримом будущем, ожидают как минимум следующие перспективы:

1. Низкоквалифицированные работники в сфере услуг, формирующие большую долю “нового пролетариата”/прекариата, проиграют битву, фактически, не сумев ничего противопоставить противнику. Прекариат больше не работает в цехах, его собирательный образ – это “Свободная касса!”, работник в заведении быстрого обслуживания (хотя это не обязательно общепит).

Современный посетитель общепита, впрочем, может отметить внедряемые повсеместно киоски, в которых можно собрать заказ на сенсорном дисплее, расплатиться пластиковой картой и просто подойти на выдачу. На выдаче пока что работают люди, но технически не трудно избавиться от них и там.

2. Предстоит уже даже не скрываемое сокращение рабочих мест в сфере бюрократизированного канцелярского труда (см. “Госуслуги”) и экономики знаний.

Это не было бы проблемой для работника, если бы сохранилась возможность “вырасти” или переквалифицироваться. Многие другие пути тоже закрыты. Сбежать от нового технологического уклада некуда, даже традиционный начиная со средних веков механизм “от долгов подамся в армию” не работает – ведь армия является авангардом роботизации. Фантазмы монетаристов о том, что человечество будущего будет играть на мировых финансовых рынках, стимулируя экономический рост за счёт спекуляций со всё увеличивающейся денежной массой [9] напоминают о классическом финансовом авантюризме образца Джона Ло [10]. Утилизировать

человеческий капитал в “креативные индустрии” невозможно в силу разности таланта кандидатов, а также тем, что эти области – также области интереса современных нейросетей.

Можно говорить об искусственном замедлении надвигающихся процессов. Но даже тестовые запуски многофункциональных автоматов и систем ИИ так или иначе окажут влияние и на заработную плату, и на насыщенность рынков труда (хотя первое и сильно вероятнее второго - но оно более сильный фактор само по себе).

4. Варианты сосуществования

Итак, полезность робототехники как направления, меркнет перед его общесистемной социальной полезностью. Можно прогнозировать анти-эгалитарность и статусное расслоение общества – на тех, кто может себе позволить роботов, и тех, кому они будут недоступны. Видимо, именно эти события определяют развилку развития социума. Следует отметить, что иллюстрируемые варианты – это варианты роботизации, как распространения сложных технических орудий, тем не менее, не эмансипировавшихся от людей путём обретения настоящего разума, рефлексии, эмоций, морали. Значительная сложность и известные человечеству возможные риски [8] всё ещё оставляют вероятность создания таких существ в области научной фантастики.

Отсюда следует, что комплексные, “сложные” искусственные интеллекты (ИИ) не будут конкурировать с человеком в сфере администрирования, созидания, познания – во всяком случае, пока. Видимо, для сохранения монополии на настоящее мышление ИИ даже с задатками подобной функциональности не будут производиться, а при малейшем намёке на самообучаемость – будут уничтожены. Коммерческой необходимости в таких “друзьях человека” почти нет, а конечные риски огромны.

Из упрощённой картины возможных последствий для человечества можно выделить две большие ветви вероятности:

4.1 “Оставим всё, как есть”

Современные темпы грандиозного потребления и перераспределения капитала трудно называть естественными – во многом они являются следствием кризисов перепроизводства. При занятии курса на бездумное продолжение подобного пути, человечество рискует экономически вернуться в период XVIII-XIX веков. Айнрэндовское “победитель получает всё” завершается триумфом – все победители всё получают.

В первую очередь, стратификацию доходов. Наиболее богатая дециль будет контролировать до 90% всей наличной собственности. В таком мире экономический рост будет нецелесообразен и упадёт до уровня преиндустриализма – не более 2% в год. Новый капитал перестанет появляться, практически, единственный социальный лифт – получить наследство и постараться его не промотать. Наиболее богатые существуют по образцу аристократии, контролируя большинство роботов, которые в свою очередь полностью повторяют инвестиционный функционал рабов соответствующих периодов истории. “Турбокапитализм” Люттвака [11] сменяет эпоха размеренного статусного потребления, возможно, доходящего до безумия, описываемого Альфредом Бестером в романе “Тигр! Тигр!”.

Рост населения сокращается – но при массовой безработице проблему “лишних ртов” это не решает [12]. Массы могут либо субсидироваться и поддерживаться через непривычные экономические механизмы вроде безусловного (гарантированного) дохода, либо попросту игнорироваться, в особенности если удастся максимально роботизировать армию и полицию.

4.2 “Революция завтра”

Агрессивный вариант развития событий. Начинается всё примерно так же, как в предыдущем варианте, но элиты в конечном итоге не могут нести социально-экономические издержки, постепенно или резко теряя контроль. Мер поддержки занятости нет, возможности субсидировать нет. Внутри элит нарастает раскол из-за постоянной делёжки ресурсов, средний класс полностью уничтожен за счёт дефицита перспективных карьерных ниш. Военные и полицейские расходы не позволяют качественно инвестировать достаточное количество средств в социум.

При такой картине вполне естественно было бы появление на политической арене движений, созвучных социалистам XIX века, которые могли бы выдвинуть требования о “передаче всех средств роботизированного производства в публичный домен”. В этих устремлениях возможен полный успех – даже в настоящее время набирает популярность идея о пересмотре итогов приватизации крупных промышленных центров [13]. Итог - национализация роботов и организация машинного труда к всеобщему благу. Возможен и частичный успех – государственное регулирование имущественных прав на роботизированные производства и сложные ИИ. В любом случае, такие процессы вряд ли будут мирными по своей сути.

Последний вариант приближает человечество к будущему из произведений Ивана Ефремова – будущее, в котором огромное количество ресурсов может быть брошено на неутилитарную деятельность вроде освоения ближнего и дальнего космоса, но в любом случае, готовых решений для существующих проблем политических командно-распределительных режимов всё ещё нет. Модель, видимо, будет следовать за типично марксистским понятием о практике – и способна к возникновению непосредственно в момент фазового перехода к такому обществу. Без постановки внешних задач даже успешная национализация промышленных роботов способна стагнировать общество до вялой консервативности античных утопий.

Хотя мир пока что медленно движется по первой стадии рассмотренных вариантов, риск ухода с развилки на второй вариант всерьёз осознаётся элитами, что уже находит отклик не только в дискуссиях, но даже и в популярной культуре (один из механизмов агрессивной пропаганды в наши дни). Осознаваемый риск даёт надежду на изобретение экономических механизмов, смягчающих воздействие на рынок. Есть определённые надежды на более уверенную постановку социального вопроса на различных политических секциях. Особенно хочется надеяться на то, что вопрос “кем работать мне тогда, чем заниматься?” будет активнее волновать учащихся, вступающих в трудовую жизнь или людей, задумывающихся о смене рода деятельности в пользу более социально значимого труда.

В любом случае, всё это – задачи не такого уж далёкого будущего. И по какому пути пойдёт развитие, могут решить только люди. Роботы им в этом не помощники.

Список литературы:

1. Шушпанов А.Н. Дистопия коммуникативной эпохи: возможные причины. // Молодой ученый. — 2016. — № 8 (112). — с. 863-867.
2. Сбербанк сократит 3 тысячи рабочих мест из-за робота-юриста // Российская Газета RG.RU. URL: <https://rg.ru/2017/01/12/sberbank-sokratit-3-tysiachi-rabochih-mest-iz-za-robota-iurista.html> (дата обращения: 08.03.2017)
3. Маркс К. Капитал. — М.: Терра, 2009. — 365 с.
4. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с.
5. Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в Институте экономики (1-е изд.). — М., 1928. — 287 с.
6. Лист иллюстраций к докладу “Посткапитализм с нечеловеческим лицом” // Блог Александра Шушпанова. URL: <http://count0.ru/?p=32> (дата обращения 08.03.2017)
7. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с.
8. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 496 с.
9. Фридман М. Капитализм и свобода. — М.: Новое издательство, 2006. — 240 с.
10. Маккей Ч. Наиболее распространённые заблуждения и безумства толпы (2-е изд.). — М.: Альпина Паблишер, 2015. — 683 с.
11. Luttwak E. Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. // HarperCollins. — New York. — 2000. — 290 p.
12. Izger K.A. Free Beer Goes Up Your Nose: Did the Heinleinian Model Fail? — Jerusalem: Ram Publishing, 2015. — 271 p.
13. Национализация в России такая же реальность, как и приватизация // Политическая Россия. URL: <http://politrussia.com/ekonomika/natsionalizatsiya-tozhe-est-443/> (дата обращения 08.03.2017)